Е. Н. Савенко

ПОСЛЕВОЕННОЕ ОБЩЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕПОДЦЕНЗУРНЫХ ТЕКСТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ)

Духовная атмосфера послевоенных лет – противоречивое явление. Радость и гордость за Победу сочетались с разочарованием в окружающих реалиях. Надежды населения на существенное улучшение материального положения и смягчение политического режима после окончания войны не оправдались. Мирная повседневная жизнь оказалась достаточно сложной, что обусловило рост критических настроений в обществе.

Косвенным подтверждением указанного явления служит повышение в первые послевоенные годы удельного веса судебных дел об «антисоветской агитации и пропаганде». Доля преступлений по ст. 58–10, в общем количестве «спецдел» Томского областного суда, выросла с 60 % во втором полугодии 1945 г. до 71 % в первом полугодии 1946 г.[1] Из 314 уголовных дел, рассмотренных Новосибирским областным судом в конце 1945 – начале 1946 г., 143 дела (48 %) касались так называемых контрреволюционных преступлений. В основном (более 90 %) это были преступления, проходившие по статье 58–10 ч. I и II[2]. Аналогичная тенденция прослеживается и при изучении деятельности судебных органов других административно-территориальных образований Сибири. В 1948 г. удельный вес дел об «антисоветской агитации и пропаганде» в общей массе дел, касающихся контрреволюционных преступлений, по сравнению с военным периодом вырос в Красноярском крае с 70 до 76 %[3], в Иркутской области – с 68 до 76,3 %[4].

[1] ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 139. Л. 2, 19.

[2] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 25. Л. 16–16 об.

[3] Подсчитано по материалам: ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 20. Л. 58; Д. 23. Л. 53; Д. 25. Л. 75; Д. 29. Л. 44, 89, 120, 138; Д. 32. Л. 8; Д. 36. Л. 2, 10; Д. 37. Л. 2, 8; Д. 38. Л. 1, 6а; Оп. 2. Д. 2. Л. 4, 14; Д. 3. Л. 33, 56.

[4] Казарин В. Н. Деятельность Иркутского областного суда по рассмотрению и разрешению уголовных дел и дел «о контрреволюционных преступлениях» в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы // Сибирская ссылка. Иркутск, 2007. Вып. 4 (16). С. 456, 474.

В той или иной степени недовольство проявляли все слои населения. Но процентное соотношение представителей различных социальных групп в общем количестве осужденных за контрреволюционные преступления на протяжении послевоенного восьмилетия варьировалось. В 1946 г. около 52 % всех осужденных за государственные правонарушения в Новосибирской области были спецпереселенцами, 25,6 % – рабочими, 11,2 % – служащими, 5,4 % – крестьянами. Остальные 6 % приходились на долю крестьян – единоличников и кустарей[5]. В 1949 г. состав осужденных по «спецделам» несколько изменился. Из характеристики лиц, подвергшихся судебному наказанию за контрреволюционные преступления, исчезло понятие «спецпереселенец». Можно предположить, что особое внимание к спецконтингенту было наиболее актуально до середины 1940-х гг. – в годы наибольшей концентрации этой группы лиц в регионе. После принятия в 1945 г. постановления «О правовом положении спецпереселенцев» и постепенного снятия их с учета спецпоселения выделение этой группы лиц в отдельную категорию, вероятно, утратило значение. Данные об осужденных «контрреволюционерах» из числа спецпереселенцев в зависимости от экономической сферы их деятельности попадали в другие графы. В 1949 г. состав осужденных в Новосибирской области за контрреволюционные преступления выглядел следующим образом: рабочие составляли более 43,3 %, служащие – 20 %, колхозники – 10 %, так называемые кустари – 1,7 %, «нетрудящиеся элементы» – около 25 %[6]. В 1952 г. социальная структура привлеченных к уголовной ответственности Новосибирским областным судом по «спецделам» вновь изменилась: 39,2 % осужденных составляли колхозники, 28,8 %, – рабочие, 19,2 %, – служащие, 12,8 % – неработающие лица[7].

Основная часть преступлений, проходивших по статье 58–10, была связана с «устной пропагандой» – разговорами довольно вольного характера. Однако немало дел относилось и к изготовлению различного рода письменных документов. Эти неподцензурные тексты (личные письма, дневники, самодеятельные стихи, листовки) являются ценными историческими источниками, дающими представление о болевых точках советского общества в послевоенные годы.

Наиболее острой проблемой, волновавшей широкие слои населения, было тяжелое материальное положение. Только в августе 1945 г.

[5] ГАНО. Ф. 1027. Оп. 9. Д. 25. Л. 19–19 об.

[6] Там же. Д. 45. Л. 37–37 об.

[7] Там же. Д. 62. Л. 87 об.

в ходе перлюстрации частной переписки военной цензурой Наркомата государственной безопасности было выявлено 135 писем с жалобами рабочих завода № 174 Омска[8] на неудовлетворительные материально-бытовые условия. Отрывки из некоторых посланий ярко характеризуют бытовые проблемы трудящихся: «условия жизни на заводе жуткие, люди бегут с завода», «кончилась война, а улучшения никакого нет, работаем 12 часов, питание неважное», «живу неважно, настает осень, а я хожу босый, даже копейки нет хлеба выкупить. Хлеба дают 700 г, а заработок плохой, остаюсь каждый месяц должен»[9].

Не менее тяжелым было материальное положение сельских тружеников. В сентябре 1945 г. житель Томской области, бывший фронтовик-разведчик Николай Фонов так описал в личном дневнике впечатления о колхозной жизни: «Взгляните на колхозника, блюстители и творцы закона, что он есть теперь? Что осталось от него? – Воздух, да один воздух. – Сколько он работает? – Столько, сколько выдерживают его изнуренные силы. – Что ест он? – То, что дает ему приусадебный участок: картофель, но не хлеб, хлеб – роскошь для него»[10]. В июле 1946 г. органы госбезопасности по Алтайскому краю зафиксировали 480 писем от семей военнослужащих с сообщениями о непосильных налогах. Жительница села Ельцовка Оспищева А. П. писала: «Живем плохо, ни обуть, ни одеть, помоги, у нас очень большие налоги на мясо, молоко и деньгами 1000 руб.» Колхозница Зайцева из села Кривое сообщала сыну: «Жизнь наша все хуже становится, забрали у нас корову за неуплату молокопоставки»[11]. Картина крайнего обнищания алтайской деревни предстает из анонимного письма, написанного демобилизованным воином, вернувшимся в родные места в феврале 1947 г. Желая проинформировать И. В. Сталина о действительном положении сельских районов Сибири, автор письма писал: «Колхозники в основном питаются картофелью, а многие и картофеля не имеют, питаются пищевыми отбросами и питают надежду на весну, когда нарастет зеленая трава, тогда будут питаться травой»[12].

В обществе, прежде всего у бывших фронтовиков, зрело раздражение за нищенское, «недостойное победителей» существование. В декабре 1945 г. житель Бийска, участник войны, описывая свое

[8] Ленинградский танковый завод, перебазированный в Омск в марте 1942 г.

[9] Советская жизнь. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003. С. 277–288.

[10] Листы из изъятого при обыске дневника Н. Фонова // Мартиролог – Фонов Николай Федорович – Мемориальный музей. URL: http://nkvd.tomsk.ru/research/passional/fonov-nikolaj-fedorovich/

[11] Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. IV. 1945–1965. Барнаул, 2004. С. 112–113.

[12] Советская жизнь. 1945–1953. С. 232.

бедственное положение, писал родственнику следующее: «Разве для этого пролита наша кровь на полях битв?»[13]. Эти настроения передавались и молодежи. В 1950 г. пятеро старшеклассников из Ленинска-Кузнецкого Кемеровской области выпустили листовку, содержавшую следующие слова: «Слушай, рабочий! Стоит сказать, что разве мы живем сейчас той жизнью, за которую боролись и умирали наши деды, отцы и братья? Мы работаем – а получаем жалкие гроши, да и те зажимают... Почитай и подумай о своей жизни...»[14]

Вину за сложившуюся ситуацию авторы многих неподцензурных текстов нередко возлагали на руководство страны. В анонимном письме от 24 февраля 1947 г. бывший фронтовик – сибиряк с Алтая, констатировавший, что «население поставлено на почву голодного вымирания», объяснял причины сложившейся ситуации бюрократизацией системы управления. «Сейчас образовано областей и районов столько, сколько грибов в бору, а в них служб и ведомств больше, чем нужно, а в них сотрудников больше, чем нужно, это на местах называют приближением руководства к массам. <...> Такое приближение руководства к населению и отраслям привело к тому, что 50 % населения занято не производительным трудом. <...> Все сводится к тому, что «один с сошкой, а семеро с ложкой»[15]. В январе 1947 г. в личном дневнике двадцатилетнего жителя Кулунды, инвалида Великой Отечественной войны Григория Бордуна появилась следующая запись: «Правительство пьет народную кровь. Неужели она им не горька эта народная кровь». Некоторые дневниковые записи носили еще более радикальный характер. В сентябре 1945 г. первокурсник Томского государственного университета Николай Фонов, бывший разведчик, награжденный медалью «За отвагу», писал в своем дневнике: «Дети – будущие строители коммунизма, “смена отцов”, они голодны. Это уродливые рахитики, не видевшие настоящей, человеческой пищи. Я хотел бы, чтобы они были не строителями, а могильщиками этого порядка»[16].

Причинами протестных настроений были не только тяжелые материально-бытовые условия. Изучение документальных источников послевоенных лет позволяет говорить о расширении диапазона инакомыслия. Негодование вызывали отсутствие демократических свобод и жесткий идеологический диктат в различных сферах жиз-

[13] Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. С. 105.

[14] Солженицын А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 5: Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956, ч. 3 и 4. М., 2000. С. 297; Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926–1953 гг.): Справочник. М., 2014. С. 335.

[15] Советская жизнь. 1945–1953. С. 233–234.

[16] «Чудесное средневековье» // Свободный курс. 1996. 17–24 окт. № 42. С. 12.

ни. Пример тому – запись из дневника уже упоминавшегося ранее Григория Бордуна. В ноябре 1946 г. прошедший войну юноша писал: «Как тяжело! Ужасно. Везде бичи, везде железные неволи, немощные слезы, "законов гибельный позор". На этом этапе развития возвратить рабство, возродить угнетение, социальное неравенство, все то, что клеймилось целые тысячелетия назад. Как душно, как невыносимо!» Спустя месяц в дневнике появляется еще более резкая запись: «Пожалуй, что нигде нет такой страны, где бы человек был более беспомощным, нежели в проклятом Союзе. <...> Вот она Родина! Советский простой человек – это раб, собственность Отчизны, раб своих вышестоящих начальников. Чудесное средневековье!»[17]

Бесправное положение человека было лейтмотивом аллегорической поэмы «Свет и мрак», которую в 1948 г. написал в Енисейске ссыльный еврей польского происхождения Л. Ш. Пекаш. Приведем перевод отрывка текста, дающий представление о содержании произведения: «Пятый закон гласил: все граждане имеют равные права и равные обязанности. Но существовали только обязанности работать и подчиняться всем законам самодержавца, обязанность молчать, глядя на все творимые беззакония и издевательства. Обязанность улыбаться, когда сердце разрывается от боли. Обязанность говорить "да", когда сердце говорит "нет". Одним словом, существовали обязанности одна труднее другой, под бременем которых сгибались измученные, голодные мужчины и женщины<...> Прав не существовало. В этом смысле все были равны: все бесправны, все закрепощены и одинаково зависимы». Несмотря на иносказательное описание «царства зла», сотрудники органов безопасности увидели прямые аналогии с Советским государством, обвинили автора в клевете «на советскую действительность» и искажении «сущности законов социалистического государства»[18].

Одним из «объектов посягательств», согласно сводкам органов госбезопасности, была советская избирательная система. В личном дневнике ранее уже упоминавшегося Григория Бордуна присутствует запись от 24 декабря 1946 г.: «Гады, такой незначительный факт, как выборы в состав избирательной комиссии, превратили в средство эксплуатации под маркой морального подъема. Заставляют объявлять стахановские вахты в честь этой гадкой авантюры и выдвигают туда людей, подчас вовсе не имеющих никакого образования. Это насмешка и издевательство над народом»[19]. Преподаватель Якутского

[17] Листы из изъятого при обыске дневника Н. Фонова // Мартиролог – Фонов Николай Федорович – Мемориальный музей.

[18] «Чудесное средневековье». С. 12.

[19] Произведение было написано на идише и в ходе следствия переведено на русский язык.

техникума электросвязи Яков Кершенгольц, осужденный в марте 1953 г. на 25 лет ИТЛ за изготовление и распространение листовок, в одной из них писал: «Хочу пару слов сказать о сегодняшней лавочке – "выборах". Ведь не народ выдвинул этих кандидатов в депутаты, а обком партии, выдвигает народ – смехотворство»[20].

Серьезное недовольство вызывало ущемление декларируемой Конституцией СССР свободы слова и печати, ужесточение цензурного гнета. 20 января 1947 г. Григорий Бордун писал в дневнике: «Искусство опошлено, оно стало служить интересам не народа, не широких масс, а кучке авантюристов, которые забрали власть в свои руки, которые задавили, зажали все, что было хорошего в искусстве, в народе». Спустя десять месяцев (в ноябре 1947 г.) в дневнике появляется запись следующего содержания: «Еще раз прочитал самую реакционную часть речи Ленина[21] и удивляюсь, как вообще Зощенко печатали. Литература партийна, литераторы партийны, издательства подчинены партийному контролю. Писать разрешается всем, но печататься – шиш. Идиллия. Проклятье!»[22]

Неоднозначно воспринимало население региона проводимые в конце 1940 – начале 1950-х гг. идеологические компании, прямо или косвенно направленные против евреев. С одной стороны, в информационных сообщениях местных партийных органов в Москву сообщалось о поступавших от трудящихся предложениях снять всех евреев с руководящих постов, выслать всех евреев в Палестину и т. д. С другой стороны, часть сибиряков негативно реагировала на борьбу с космополитизмом, в значительной степени имевшую антисемитский характер. Новосибирский инженер И. Б. Фейгин, арестованный весной 1953 г. за написание анонимных писем «антисоветского характера», в одном из своих посланий следующим образом оценивал последствия этой компании: «Главные виновники зажима русских тружеников, конечно жиды: Рубинович, Шульман. Так из карася делается парося. Так уничтожается репутация, втаптываются в грязь талантливые и усердные работы»[23].

Неподцензурные тексты послевоенных лет свидетельствуют, что характерным явлением послевоенного времени стала десакрализация власти. Письма уже упоминавшегося ранее новосибирца И. Б. Фейгина содержат следующие высказывания: «Сколько людей, репутаций, здоровья и жизней загублено теми, кто называет себя коммунистами, советскими руководителями и партийными работни-

[20] ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 10439. Л. 35.

[21] Там же. Оп. 32. Д. 1640. Л. 91.

[22] «Чудесное средневековье». С. 12.

[23] ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38590. Л. 3.

ками», «у меня создалось глубокое убеждение в безыдейности и беспринципности всех или большинства обкомовских работников».

Следует отметить, что объектом критических оценок становились не только партийные функционеры, но и коммунистические лидеры, имена которых ранее обожествлялись. В личных дневниках многих сибиряков, осужденных во второй половине 1940-х гг., встречаются достаточно критические мнения об Иосифе Сталине. В дневнике Николая Фонова летом 1945 г. появляется следующая запись: «Радио до хрипоты кричит о славе Сталина. <...> Каждое слово, произнесенное им, подхватывается, сотый раз перетолковывается, в нем находят мысли гения, величайшего из величайших, легендарного, легендарного полководца. Это так приелось. <...> Не русский ли народ – причина торжества гения?»[24]

Более резкие, уничижительные оценки «вождю народов» встречаются в дневнике Григория Бордуна. Фиксируя свое впечатление от пропагандистской компании по поводу одного из выступлений Сталина в декабре 1946 г., он пишет следующее: «Как смешно и до чего низко и лицемерно! В глазах этих лжецов, чинуш, продажных душ этот нравственный идиот – кумир. Нет, у меня скорее слепой щенок будет кумиром, нежели этот разбойник с большой дороги. Только, кажется, слишком велика честь для него – сравнивать его с разбойником. Разбойник имеет понятие о нравственности, этикете, а этот вообще потерял всяческий облик». Спустя год появляется следующая запись: «От всей души желаю, чтобы Сталину раскроили череп, будь он проклят»[25]. Примечательно, что «ареола святости» лишается не только правящая верхушка власти. У некоторых членов общества появляются крамольные сомнения по поводу основателя советского государства В. И. Ленина. Пример тому – дневниковые записи Бордуна: «Конечно, Ленин хотел хорошего для народа, но безмозглые дураки, авантюристы, аферисты – его последователи в кавычках – так опошлили его учение, его цели, что назойливо напрашивается вопрос: “Да полно! Был ли Ленин таковым, как его малюют?”» (17 декабря 1946); «Советские прихвостни сумели опоганить память вождя пролетариата. Впрочем, я и сам благодаря этим гадам не верю, что Ленин был таким как его малюют» (20 января 1947).

Критическая оценка окружающих реалий порой порождала мысли не только о порочности существующей государственной системы, но и необходимости борьбы за ее преобразование. Подобные взгляды

[24] Имеется в виду статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература».

[25] «Чудесное средневековье». С. 12.

проявлялись по-разному. Один из примеров таких мнений – отрывок из стихотворения Г. Бордуна:

Если песни свободно не льются
И унылые лица везде,
Если совесть и честь продаются,
Если люди в жестокой нужде,
Если плачут голодные дети,
Если жизнь их гнетет матерей,
Если правды не видно на свете
И закрытых есть много дверей,
Если рты всем жестоко зажаты,
Друг народа объявлен врагом,
Значит близко уж час расплаты,
Значит, сыплются искры кругом[26].

Описывая остроту социального напряжения в послевоенном обществе, автор стихотворения вместе с тем осознавал, что в настоящее время народ не способен на активное сопротивлению режиму. Дневниковая запись, сделанная в декабре 1946 г., гласит: «Н. говорит, что сейчас можно сделать переворот. <...> Это невозможно, потому что народ устал после войны, устал от налогов, замучен неурожаями, многие помнят еще Октябрьскую революцию, запуганы, не сплочены, никому и ничему не доверяют, не видят достаточно сильной партии, которая смогла бы обеспечить победу и в дальнейшем – лучшую жизнь, неграмотны, слишком много штрейкбрехеров»[27].

Документальные источники свидетельствуют, что недовольство послевоенными реалиями выливалось в пассивные формы сопротивления. Распространенными стали невыходы на работу, побеги с предприятий[28]. Насколько масштабными были эти проявления протеста, можно судить по письмам эвакуированных рабочих: «Люди бегут с завода пачками, особенно ленинградцы. За последнее время убежало около 400 человек»; «В Омске остается два ленинградских завода, на них сейчас творится хаос: рабочие два дня не выходили на работу, и бегут, кто как сможет»; «Завод закрепляют здесь, в Сибири, все бегут, как могут. Уже сбежало 800 человек». Среди сельских жителей было распространено самовольное оставление колхозов как способ выживания. Сообщая о бедственном положении земляков, житель деревни

[26] Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск, 2003. С. 69.

[27] ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 38790. Л. 5.

[28] Там же. Л. 6.

Малиновки Красноярского края в феврале 1951 г. писал: «Колхозники разбегаются, кто куда может, остаются только многосемейные»[29].

В целом неподцензурные тексты свидетельствуют, что первые послевоенные годы (1945–1953) характеризуются острой социальной напряженностью в советском обществе, обусловленной жестким экономическим и политическим давлением со стороны власти. Результатом указанного явления стала постепенная ломка советского мировоззрения. В социуме начали подспудно происходить процессы, оказавшие влияние на будущее обновление общественного сознания.

[29] Листы из изъятого при обыске дневника Н. Фонова // Мартиролог – Фонов Николай Федорович – Мемориальный музей.